

Есть такое крылатое выражение: довольный малым всегда счастлив. И наоборот, вечно недовольные люди чаще всего несчастны.

По логике вещей, я, Ма Сяодун, обычный парень, едва сводивший концы с концами, в одночасье превратился в Младшего вана. Это же всё равно что перешагнуть пропасть между старым и новым обществом, самое время освобожденному батраку затянуть победную песню! Но да будет Нефритовый император мне свидетелем, ни черта мне не весело.

В мгновение ока я прожил в Резиденции князя Тай целых пять дней.

Жизнь в княжеской резиденции все эти пять дней, надо признать, была просто восхитительной. Стоило мне только утром открыть глаза и хотя бы легонько кашлянуть, как у кровати тут же вырастала целая толпа людей. Один помогал надеть верхнюю одежду, второй — штаны, третий — обувь. Затем следовали те, кто подавал воду для полоскания рта, причесывал, отжимал горячее полотенце для лица. И наконец, последний облачал меня в халат.

Любой любитель пожить в свое удовольствие непременно сказал бы: какое же это счастье! Но я, прижав руку к сердцу, отвечаю: какая же это тоска.

Живой человек вынужден целыми днями проводить время под прицелом целой кучи глаз. Даже пойти справить нужду в отхожее место — и то находится человек, который специально носит туалетную бумагу. С утреннего пробуждения до вечернего отхода ко сну они помнят о тебе больше, чем ты сам: сколько раз чихнул, сколько раз сбегал в туалет, сколько раз ковырялся в носу или чистил уши. Скажите на милость, разве это не тоска смертная?

А уж еда в Резиденции князя Тай и вовсе вызывала во мне бурю гнева. Я-то думал, ладно уж с прочими материальными лишениями, лишь бы качество трех приемов пищи было на высоте, тогда я особо придираюсь не стану. Кто же знал, что Император, услышав, что братец выжил, прислал из дворца придворного лекаря, чтобы тот проверил мой пульс. Едва этот старик прищурился, поглаживая бороду и уйдя в себя, я сразу понял, что ничего хорошего он не надумает. И точно, спустя долгое время лекарь изрек, что в теле Младшего вана еще не до конца рассеялась энергия инь, поэтому ему полезно питаться легкой пресной пищей для мягкого восстановления. Он вырвал лист бумаги, размашисто накатал рецепт для большой кухни, и с тех пор мать твою за ногу, я уже четыре дня питаюсь одной зеленью да редькой.

Наконец, сегодня вечером среди блюд на ужин оказался суп из акульего плавника — я о нем столько раз мечтал! Как только супница оказалась на столе, у меня глаза на лоб полезли. В этой жизни мне наконец суждено узнать, каков же на вкус этот акулий плавник... Вот только вокруг тут же толпа: один подкладывает еду, второй накладывает рис, третий черпает суп, четвертый держит наготове отжатое полотенце, чтобы вытереть рот. Помня о своем нынешнем статусе, я с видом знатока ткнул палочками в сторону супницы. Подающий суп тут же засуетился, а я, набив живот, от души нахлебался супа — можно сказать, с трудом возместил нехватку жиров за последние четыре дня.

Утерев жирный рот, я велел слугам вынести кресло под галерею, чтобы насладиться

вечерними сумерками. Архитектура Резиденции князя Тай — это классическая роскошная усадьба с высокими воротами и алыми стенами. Бесконечные ряды крыш, череда внутренних дворов, соединенных крытыми переходами, резные колонны, расписные карнизы. Пруды, искусственные горы, цветы и банановые пальмы во дворе — говорят, всё здесь имеет глубокий скрытый смысл. Все эти пять дней я метался лишь между главным жилым покоем и внутренним парадным залом, а лунные ворота в самом конце галереи внутреннего двора так и манили предаться раздумьям.

Легкий ветерок пронесся мимо, я обвел взглядом всё вокруг, и в сердце зародилась необъяснимая пустота. В последние дни, стоило только наступить вечеру, меня охватывала какая-то особенная тоска. Особенно в тот момент, когда слуги в княжеской резиденции с наступлением сумерек начинали зажигать свечи.

Самое печальное в жизни человека — это осознать ценность чего-то лишь после потери, и понять всю прелесть расставания только столкнувшись с ним. Когда-то я ютился в паршивой конуре с арендной платой в триста юаней и смертельно ненавидел тридцативаттную лампу дневного света. Сейчас я бы с радостью отдал половину имущества Резиденции князя Тай за одну двадцативаттную желтую лампочку.

Ночь сгущалась, ветер становился холоднее, свечи ярко горели. Раздражение в моей душе разгоралось всё сильнее. Прошло пять дней!! Я сдерживался целых пять дней, и каждый уголок моей души голодно вопил и взывал: дайте мне затянуться!

Сигареты и алкоголь — это вечно верные любовницы мужчины, а для меня и вовсе сама жизнь. В лучезарное утро, в часы досуга, в одинокие ночи бесконечные клубы дыма помогали мне пережить каждый день, ни на шаг не отступая и утешая мою душу. Сейчас я был готов надавать себе пощечин: знай я заранее, что в этой проклятой дыре нет даже табака, я бы лучше остался в Америке наслаждаться преклонными годами где-нибудь за шестьдесят. По крайней мере, там я мог бы под светом ламп в несколько тысяч ватт потягивать настоящую гаванскую сигару, глядя телевизор и обнимая одной рукой любовницу из Голливуда с фигурой дьяволицы.

Я запрокинул голову к небу, сглотнул слюну, тяжело вздохнул, и взгляд мой устремился в самый конец галереи.

Сяо Шунь позади меня произнес:

— Ван, повеет холодом, роса тяжелая, ступайте в покои отдыхать.

В моей голове блеснула молния. Телевизор, лампочки, сигареты были недостижимы, но у Младшего вана хотя бы нашлось утешение. Я снова вздохнул:

— Ночь длинная, светильник одинок, одеяло холодно, от тоски уснуть никак не получается.

До чего же смышленным оказался Сяо Шунь! Его желтые зубы тут же расплылись в улыбке прямо перед моими глазами, рассыпавшись, словно зерна граната:

— Ван в последние дни никого не звал делить ложе, так, может, сегодня вечером прислать одну из наложниц?

Я промолчал. Мгновение спустя Сяо Шунь снова склонился к моему уху:

— И кого же изволит приказать ван?

Кокого? О небеса, да тут их не одна! Сяо Шунь только договорил, как вдруг сам себя хлопнул по щеке:

— Ничтожный заслуживает смерти, забыл, что ван... Ван, ничтожный по старинному обычаю принесет тубу с бирками, чтобы вы сами выбрали.

Туба с бирками! Древние императоры выбирали наложниц для ночлега, переворачивая таблички, а Младший ван вытягивает жребий — настоящее новаторство, одобряю.

Сяо Шунь проворно перебирал ногами, и не успел я моргнуть глазом, как приволок бамбуковый тубус. Внутри торчало по меньшей мере два десятка бамбуковых палочек — проклятое феодальное общество!

Возвышаясь над ходом истории, мысленно вздохнул я. Во рту от волнения пересохло, я запустил руку внутрь тубуса, пошарил там и, успокоив сердце, вытянул одну палочку. Небеса милостивы, это непременно должна быть красавица. Сяо Шунь поднес фонарь ближе, чтобы осветить её. Вторая бирка. На палочке красовался цветок и два иероглифа: Жо Шуй.

<http://bllate.org/book/25021/2958956>